

Университетская поэма. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Университетская поэма. Владимир Владимирович Набоков

[1]

1

«Итак, вы русский? Я впервые
встречаю русского...» Живые,
слегка навывкате глаза
меня разглядывают: «К чаю
лимон вы любите, я знаю;
у вас бывают образа
и самовары, знаю тоже!»
Она мила: по нежной коже
румянец Англии разлит.
Смеется, быстро говорит:
«Наш город скучен, между нами, –
но речка – прелесть!.. Вы гребец?»
Крупна, с покатыми плечами,
большие руки без колец.

2

Так у викария за чаем
мы, познакомившись, болтаем,
и я старательно острою,
и не без сладостной тревоги
на эти скрещенные ноги
и губы яркие смотрю,
и снова отвожу поспешно
нескромный взгляд. Она, конечно,
явилась с теткою, но та
социализмом занята, –
и, возражая ей, викарий, –
мужчина кроткий, с кадыком, –
скосил по-песью глаз свой карий
и нервным давится смешком.

3

Чай крепче мюнхенского пива.
Туманно в комнате. Лениво
в камине слабый огонек
блестит, как бабочка на камне.
Но засиделся я, – пора мне...
Встаю, кивок, еще кивок,
прощаюсь я, руки не тыча, –
так здешний требует обычай, –
сбегаю вниз через ступень
и выхожу. Февральский день,
и с неба вот уж две недели
непрекращающийся ток.
Неужто скучен в самом деле
студентов древний городок?

4

Дома, – один другого краше, –
чью старость розовую наши
велосипеды веселят;
ворота колледжей, где в нише
епископ каменный, а выше –
как солнце, черный циферблат;
фонтаны, гулкие прохлады,
и переулки, и ограды
в чугунных розах и шипах,
через которые впотьмах
перелезть совсем не просто;
кабак – и тут же антиквар,
и рядом с плитами погоста
живой на площади базар.

5

Там мяса розовые глыбы,

сырая вонь блестящей рыбы,
ножи, кастрюли, пиджаки
из гардеробов безмянных;
отдельно, в положеньях странных
кривые книжные лотки
застыли, ждут, как будто спрятав
тьму алхимических трактатов;
однажды эту дребедень
перебирая, – в зимний день,
когда, изгнанника печалю,
шел снег, как в русском городке, –
нашел я Пушкина и Даля
на заколдованном лотке.

6

За этой площадью щербатой
кинематограф, и туда-то
по вечерам мы в глубину
туманной дали заходили, –
где мчались кони в клубах пыли
по световому полотну,
волшебнo зрителя волнуя;
где силуэтом поцелуя
все завершалось в должный срок;
где добродетельный урок
всегда в трагедию был вкраплен;
где семенял, носками врозь,
смешной и трогательный Чаплин;
где и зевать нам довелось.

7

И снова – улочки кривые,
ворот громады вековые, –
а в самом сердце городка
цирюльня есть, где брился Ньютон,
и древней тайною окутан
трактирчик «Синего Быка».
А там, за речкой, за домами,
дерн, утрамбованный веками,
темно-зеленые ковры
для человеческой игры,
и звук удара деревянный
в холодном воздухе. Таков
был мир, в который я нежданно
упал из русских облаков.

8

Я по утрам, вскочив с постели,
летел на лекцию; свистели
концы плаща, – и наконец
стихало все в холодноватом
амфитеатре, и анатом
всходил на кафедру, – мудрец
с пустыми детскими глазами;
и разноцветными мелками
узор японский он чертил
переплетающихся жил
или коробку черепную;
чертил, – и шуточку нет-нет
да и отпустит озорную, –
и все мы топали в ответ.

9

Обедать. В царственной столовой
портрет был Генриха Восьмого –
тугие икры, борода –
работы пышного Гольбайна;
в столовой той, необычайно
высокой, с хорами, всегда
бывало темновато, даром
что фиолетовым пожаром
от окон веяло цветных.

Нагие скамьи вдоль нагих
столов тянулись. Там сидели
мы в черных конусах плащей
и переперченные ели
супы из вялых овощей.

10

А жил я в комнате старинной,
но в тишине ее пустынной
тенями мало дорожил.
Держа московского медведя,
боксеров жалуя и бредя
красой Италии, тут жил
студентом Байрон хромоногий.
Я вспоминал его тревоги, –
как Геллеспонт он переплыл,
чтоб похудеть... Но я остыл
к его твореньям... Да простится
неромантичности моей, –
мне розы мраморные Китса
всех бутафорских бурь милей.

11

Но о стихах мне было вредно
в те годы думать. Винтик медный
вращать, чтоб в капельках воды,
сияя, мир явился малый, –
вот это день мой занимало.
Люблю я мирные ряды
лабораторных ламп зеленых,
и пестроту таблиц мудреных,
и блеск приборов колдовской.
И углубляться день-деньской
в колодец светлый микроскопа
ты не мешала мне совсем,
тоскующая Каллиопа[2],
тоска неконченных поэм.

12

Зато другое отвлекало:
вдруг что-то в памяти мелькало,
как бы не в фокусе, – потом
ясней, и снова пропадало.
Тогда мне вдруг надоедало
иглой работать и винтом,
мерцанье наблюдать в узоре
однообразных инфузорий,
кишки разматывать в уже;
лаборатория уже
мне больше не казалась раем;
я начинал воображать,
как у викария за чаем
мы с нею встретимся опять.

13

Так! Фокус найден. Вижу ясно.
Вот он, каштаново-атласный
переливающийся лоск
прически, и немного грубый
рисунок губ, и эти губы,
как будто ярко-красный воск
в мельчайших трещинках. Прикрыла
глаза от дыма, докурила
и, жмурясь, тычет золотым
окурком в пепельницу... Дым
сейчас рассеется, и станут
мигать ресницы, и в упор
глаза играющие глянут
и, первый, опущу я взор.

14

Не шло ей имя Виолета,
(вернее: Вийолет, но это

Университетская поэма. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
едва ли мы произнесем).

С фиалкой не было в ней сходства[3], –
напротив: ярко, до уродства,
глаза блестели, и на всем
подолгу, радостно и важно
взор останавливался влажный,
и странно ширились зрачки...
Но речи, быстры и легки,
не соответствовали взору, –
и доверять не знал я сам
чему – пустому разговору
или значительным глазам...

15

Но знал: предельного расцвета
в тот год достигла Виолета, –
а что могла ей принести
британской барышни свобода?
Осталось ей всего три года
до тридцати, до тридцати...
А сколько тщетных увлечений, –
и все они прошли, как тени, –
и Джим, футбольный чемпион,
и Джо мечтательный, и Джон,
герой угрюмый интеграла...
Она лукавила, влекла,
в любовь воздушную играла,
а сердцем большего ждала.

16

Но день приходит неминуемый,
он уезжает, друг летучий:
оплачен счет, экзамен сдан,
ракета теннисная в раме, –
и вот блестящими замками,
набитый, щелкнул чемодан.
Он уезжает. Из передней
выносят вещи. Стук последний, –
и тронулся автомобиль.
Она вослед глядит на пыль:
ну что ж – опять фаты венчальной
напрасно призрак снился ей...
Пустая улочка, и дальний
звук перебора скоростей...

17

От инфлуэнции презренной
ее отец, судья почтенный,
знаток портвейна, балагур,
недавно умер. Виолета
жила у тетки. Дама эта
одна из тех ученых дур,
какими Англия богата, –
была, в отличие от брата
высокомерна и худа,
ходила с тросточкой всегда,
читала лекции рабочим,
культуры чтит идеал
и полагала, между прочим,
что Харьков – русский генерал.

18

С ней Виолета не бранилась, –
порой могла бы, но ленилась, –
в благополучной тишине
жила, о мире мало зная,
отца все реже вспоминая,
не помня матери (но мне
о ней альбомы рассказали, –
о временах осиных талий,
горизонтальных канотье.
Последний снимок: на скамье

Университетская поэма. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
она сидит; по юбке длинной
стекают тени на песок,
скромна горжетка, взор невинный,
в руке крокетный молоток).

19

Я приглашен был раза два-три
в их дом радушный, да в театре
раз очутилась невзначай
со мною рядом Виолета.
(Студенты ставили Гамлета,
и в этот день был рай не в рай
великой тени барда.) Чаше
мы с ней встречались на кричащей
вечерней улице, когда
снует газетчиков орда,
гортанно вести выкликая.
Она гуляла в этот час.
Два слова, шуточка пустая,
великолепье темных глаз.

20

Но вот однажды, помню живо,
в начале марта, в день дождливый,
мы на футбольном были с ней
соревнованье. Понемногу
росла толпа, – отдавит ногу,
пихнет в плечо, – и все тесней
многоголовое кишенье.
С самим собою в соглашенье
я молчаливое вошел:
как только грянет первый гол,
я трону руку Виолеты.
Меж тем, в короткие портки,
в фуфайки пестрые одеты, –
уж побежали игроки.

21

Обычный зритель: из-под кепки
губа брезгливая и крепкий
дымок Виргинии. Но вдруг
разжал он губы, трубку вынул,
еще минута – рот разинул,
еще – и воет. Сотни рук
взвились, победу понукая:
игрок искусный, мяч толкая,
вдоль поля ласточкой стрельнул, –
навстречу двое, – он вильнул,
прорвался, – чистая работа, –
и на бегу издалека
дубленный мяч кладет в ворота
ударом меткого носка.

22

И тихо протянул я руку,
доверясь внутреннему стуку,
мне повторяющему: тронь...
Я тронул. Я собрался даже
пригнуться, зашептать... Она же
непотеплевшую ладонь
освободила молчаливо,
и прозвучал ее шутливый,
всегдашний голос, легкий смех:
«Вон тот играет хуже всех, –
все время падает, бедняга...»
Дождь моросил едва-едва;
мы возвращались вдоль оврага,
где прела черная листва.

23

Домой. С гербами на фронтонах
большое здание, в зеленых
просветах внутренних дворов.

Там тихо было. Там в суровой
(уже описанной) столовой
был штат лакеев-стариков.
Там у ворот швейцар был зоркий.
Существовала для уборки
глухой студенческой норы
там с незапамятной поры
старушек мелкая порода;
одна ходила и ко мне
сбивать метелкой пыль с комода
и с этажерок на стене.

24

И с этим образом расстаться
мне трудно. В памяти хранятся
ее мышинные шажки,
смешная траурная шляпка, –
в какой, быть может, и прабабка
ее ходила, – волоски
на подбородке... Утром рано
из желтоватого тумана
она беззвучно, в черном вся,
придет и, щепки принеся,
согнется куклою тряпичной
перед холодным очагом,
наложит кокс рукой привычной
и снизу чиркнет огоньком.

25

И этот образ так тревожит,
так бередит меня... Быть может,
в табачной лавочке отца
во дни Виктории, бывало,
она румянцем волновала
в жилетах клетчатых сердца –
сердца студентов долговязых...
Когда играет в темных вязах
звук драгоценный соловья,
ее встречал такой, как я,
и с этой девочкой веселой
сирень персидскую ломал;
к ее склоненной шее голой
в смятенье губы прижимал.

26

Воображенье дальше мчится:
ночь... лампа на столе... не спится
больному старику... застыл,
ночной подслушивает шепот:
отменно важный начат опыт
в лаборатории... нет сил...
Она приходит в час урочный,
поднимет с полу сор полночный –
окурки, ржавое перо,
из спальни вынесет ведро.
Профессор стар. Он очень скоро
умрет, и он давно забыл
душистый табачок, который
во дни Виктории курил.

27

Ушла. Прикрыла дверь без стука...
Пылают угли. Вечер. Скука.
И, оглушенный тишиной,
я с кексом в родинках изюма
пью чай, бездействуя угрюмо.
В камине ласковый, ручной
огонь стоит на задних лапах,
и от тепла шершавый запах
увядшей мебели слышней
в старинной комнатке моей.
Горящей кочергою ямки

в шипящей выжигать стене,
играть с самим собою в дамки,
читать, писать, – что делать мне?
28

Отставя чайничек кургузый,
родной словарь беру – и с музой,
моею вялой госпожой,
читаю в тягостной истоме
и нахожу в последнем томе
меж «хананыгой» и «ханжой»
«хандра: тоска, унынье, скука;
сплин, ипохондрия». А ну-ка
стихотворенье сочиню..
Так час-другой, лицом к огню,
сижу я, рифмы подбирая,
о Виолете позабыв, –
и вот, как музыка из рая,
звучит курантов перелив.

29
Открыв окно, курантам внемлю:
перекрестили на ночь землю
святые ноты четвертей,
и бьют часы на башне дальней,
считает башня, и печальней
вдали другая вторит ей.
На тяжелеющие зданья
по складкам мантия молчанья
спадает. Вслушиваюсь я, –
умолкло все. Душа моя
уже к безмолвию привыкла, –
как вдруг со смехом громовым
взмывает ветер мотоцикла
по переулкам неживым!

30
С тех пор душой живу я шире:
в те годы понял я, что в мире
пред Богом звуки все равны.
В том городке под сенью Башен
был грохот жизни бесшабашен,
и смесь хмельная старины
и настоящего живого
мне впрок пошла: душа готова
всем любоваться под луной,
и стариной, и новизной.
Но я в разладе с лунным светом,
я избегаю тосковать..
Не дай мне, Боже, стать поэтом,
земное сдуру прозевать!

31
Нет! Я за книгой в кресле сонном
перед камином озаренным
не пропустил, тоскуя зря,
весны прелестного вступленья.
Довольно угли и поленья
совать в камин – до октября.
Вот настезь небеса открыты,
вот первый крокус глянцевитый,
как гриб, сквозь мураву пророс,
и завтра, без обильных слез,
без сумасшедшего напева,
придет, усядется она, –
совсем воспитанная дева,
совсем не русская весна.

32
И вот пришла. Прозрачней, выше
курантов музыка, и в нише
епископ каменный сдает
квартиры ласточкам. И гулко

дудя в пролете переулка,
машина всякая снует.
Шумит фонтан, цветет ограда.
Лоун-теннис – белая отрада –
сменяет буйственный футбол:
в штанах фланелевых пошел
весь мир играть. В те дни кончался
последний курс – девятый вал,
и с Виолетой я встречался
и Виолету целовал.

33

Как в первый раз она метнулась
в моих объятьях, – ужаснулась,
мне в плечи руки оперев,
и как безумно и уныло
глаза глядели! Это было
не удивленье и не гнев,
не девичий испуг условный...
Но я не понял... Помню ровный,
остриженный по моде сад,
шесть белых мячиков и ряд
больших кустов рододендрона;
я помню, пламенный игрок,
площадку твердого газона
в чертах и с сеткой поперек.

34

Она лениво – значит, скверно –
играла; не летала серной,
как легконогая Ленглен[4].
Ах, признаюсь, люблю я, други,
на всем разбеге взмах упругий
богини в платье до колен!
Подбросить мяч, назад согнуться,
молниеносно развернуться,
и струнной плоскостью плеча
скользнуть по темени мяча,
и, ринувшись, ответ свистящий
уничтожительно прервать, –
на свете нет забавы слаще...
В раю мы будем в мяч играть.

35

Стоял у речки дом кирпичный:
плющом, глицинией обычной
стена меж окон обвита.
Но кроме плюшевой гостиной,
где я запомнил три картины:
одна – Мария у Креста,
другая – ловчий в красном фраке,
и третья – спящие собаки, –
я комнат дома не видал.
Камин и бронзовый шандал
еще, пожалуй, я отмечу,
и пианолу под чехлом,
и ног нечаянную встречу
под чайным чопорным столом.

36

Она смирилась очень скоро...
Уж я не чувствовал укора
в ее послушности. Весну
сменило незаметно лето.
В полях блуждаем с Виолетой:
под черной тучей глубину
закат, бывало, разрумянит, –
и так в Россию вдруг потянет,
обдаст всю душу тошный жар, –
особенно когда комар
над ухом пропоет, в безмолвный
вечерний час, – и ноет грудь

Университетская поэма. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
от запаха черемух. Полно,
я возвращусь когда-нибудь.

37

В такие дни, с такую ленью
не до науки. К сожаленью,
экзамен нудит, хошь не хошь.
Мы поработаем, пожалуй...
Но книга – словно хлеб лежалый,
суха, тверда – не разгрызешь.
Мы и не то одолевали...
И вот верчусь средь вакханалий
названий, в оргиях систем,
и вспоминаю вместе с тем,
какую лодочник знакомый
мне шлюпку обещал вчера,
и недочитанные томы –
хлоп, и на полочку. Пора!

38

К реке воскресной, многолюдной
местами сходит изумрудный
геометрический газон,
а то нависнет арка: тесен
под нею путь – потемки, плесень.
В густую воду с двух сторон
вросли готические стены.
Как неземные гобелены,
цветут каштаны над мостом,
и плющ на камне вековом
тузами пиковыми жметя, –
и дальше, узкой полосой,
река вдоль стен и башен вьется
с венецианскою ленцой.

39

Плоты, пироги да байдарки;
там граммофон, тут зонтик яркий;
и осыпаются цветы
на зеленеющую воду.
Любовь, дремота, тьма народу,
и под старинные мосты,
сквозь их прохладные овалы,
как сон блестящий и усталый,
все это медленно течет,
переливается, – и вот
уводит тайная излука
в затон черемухи глухой,
где нет ни отсвета, ни звука,
где двое в лодке под ольхой.

40

Вино, холодные котлеты,
подушки, лепет Виолеты;
легко дышал ленивый стан,
охвачен шелковой вязкой;
лицо, не тронутое краской,
пылало. Розовый каштан
цвел над ольшаником высоко,
и ветерок играл осокой,
по лодке шарил, чуть трепал
юмористический журнал;
и в шею трепетную, в душку
я целовал ее, смеясь.
Смотрю: на яркую подушку
она в раздумье оперлась.

41

Перевернула лист журнала
и взгляд как будто задержала,
но взгляд был темен и тягуч:
она не видела страницы...
Вдруг из-под дрогнувшей ресницы

блестящий вылупился луч,
и по щеке румяно-смуглой,
играя, покатился круглый
алмаз... «О чем же вы, о чем,
скажите мне?» Она плечом
пожала и небрежно стерла
блистанье той слезы немой,
и тихим смехом вздулось горло:
«Сама не знаю, милый мой...»

42

Текли часы. Туман закатный
спустился. Вдалеке невнятно
пропел на пастбище рожок.
Налетом сумеречно-мглистым
покрылся мир, и я в слоистом,
цветном фонарике зажег
свечу, и тихо мы поплыли
в туман, – где плакала не ты ли,
Офелия, иль то была
лишь граммофонная игла?
В тумане звук неизъяснимый
все ближе, и, плеснув слегка,
тень лодки проходила мимо,
алела капля огонька.

43

И может быть, не Виолета, –
другая, и в другое лето,
в другую ночь плывет со мной..
Ты здесь, и не было разлуки,
ты здесь, и протянула руки,
и в смутной тишине ночной
меня ты полюбила снова,
с тобой средь марева речного
я счастья наконец достиг..
Но, слава Богу, в этот миг
стремленье грезы невозможной
звук речи английской прервал:
«Вот пристань, милый. Осторожно».
Я затабанил и пристал.

44

Там на скамье мы посидели..
«Ах, Виолета, неужели
вам спать пора?» И, заблистав
преувеличенно глазами,
она в ответ: «Судите сами, –
одиннадцать часов», – и, встав,
в последний раз мне позволяет
себя обнять. И поправляет
прическу: «Я дойду одна.
Прощайте». Снова холодна,
печальна, чем-то недовольна, –
не разберешь... Но счастлив я:
меня подхватывает вольно
восторг ночного бытия.

45

Я шел домой, пьянея в тесных
объятых улочек прелестных, –
и так душа была полна,
и слов была такая скудность!
Кругом – безмолвие, безлюдность
и, разумеется, луна.
И блики на панели гладкой
давя резиновой пяткой,
я шел и пел «Алла верды» [5],
не чуя близости беды..
Предупредительно и хмуρο
из-под невидимых ворот
внезапно выросли фигуры

Университетская поэма. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
трех неприятнейших господ.

46

Глава их – ментор наш упорный:
осанка, мантия и черный
квадрат покрывки головной, –
весь вид его – укор мне строгий.
Два молодца – его бульдоги –
с боков стоят, следят за мной.
Они на сыщиков похожи,
но и на факельщиков тоже:
крепки, мордасты, в сюртуках,
в цилиндрах. Если же впотьмах
их жертва в бегство обратится,
спасет едва ли темнота, –
такая злая в них таится
выносливость и быстрота.

47

И тихо помянул я черта..
Увы, я был одет для спорта,
а ночью требуется тут
(смотри такой-то пункт статута)
ходить в плаще. Еще минута,
ко мне все трое подойдут,
и средний взгляд мой взглядом встретит,
и спросит имя, и отметит, –
«спасибо» вежливо сказав;
а завтра – выговор и штраф.
Я замер. Свет белесый падал
на их бесстрастные черты.
Надвинулись... И тут я задал,
как говорится, лататы.

48

Луна... Погоня... Сон безумный..
Бегу, шарахаюсь бесшумно:
то на меня из тупика
цилиндра призрак выбегает,
то тьма плащом меня пугает,
то словно тянется рука
в перчатке черной... Мимо, мимо..
И все луною одержимо,
все исковеркано кругом..
И вот стремительным прыжком
окончил я побег бесславный,
во двор коллегии пролез,
куда не вхож ни ангел плавный,
ни изворотливейший бес.

49

Я запыхался... Сердце бьется..
И ночь томит, лениво льется..
И в холодок моих простынь
вступаю только в час рассвета,
и ты мне снишься, Виолета,
что просишь будто: «Плащ накинь..
не тот, не тот... он слишком узкий...»
Мне снится, что с тобой по-русски
мы говорим, и я во сне
с тобой на «ты», – и снится мне,
что будто принесла ты щепки,
ломаешь их, в камин кладешь..
Ползи, ползи, огонь нецепкий, –
ужели дымом изойдешь?

50

Я поздно встал, проспал занятия..
Старушка чистила мне платье:
под щеткой – пуговицы стук.
Оделся, покурил немного,
зевая, в клуб Единорога
пошел позавтракать, – и вдруг

Университетская поэма. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
встречаю Джонсона у входа!

Мы не видались с ним полгода –
с тех пор, как он экзамен сдал.
«С приездом, вот не ожидал!»
«Я ненадолго, до субботы,
мне нужно только разный хлам –
мои последние работы –
представить здешним мудрецам».

51

За столик сели мы. Закуски
и разговор о том, что русский
прожить не может без икры;
потом – изгиб форели синей
и разговор о том, кто ныне
стал мастер теннисной игры;
за этим – спор довольно скучный
о стачке, и пирог воздушный.
Когда же, мигом разыграв
бутылку дружеского Грав,
за обольстительное Асти
мы деловито принялись, –
о пустоте сердечной страсти
пустые толки начались.

52

«Любовь... – и он вздохнул протяжно: –
Да, я любил... Кого – не важно;
но только минула весна,
я замечаю, – плохо дело;
воображенье охладело,
мне опостылела она».
Со мной он чокнулся уныло
и продолжал: «Ужасно было..
Вы к ней нагнетесь, например,
и глаз, как, скажем, Гулливер,
гуляющий по великанше,
увидит борозды, бугры
на том, что нравилось вам раньше,
что отвращает с той поры...»

53

Он замолчал. Мы вышли вместе
из клуба. Говоря по чести,
я был чуть с мухой, и домой
хотелось. Солнце жгло. Сверкали
деревья. Молча мы шагали, –
как вдруг угрюмый спутник мой, –
на улице Святого Духа –
мне локоть сжал и молвил сухо:
«Я вам рассказывал сейчас... –
Смотрите, вот она, как раз...»
И шла навстречу Виолета,
великолепна, весела,
в потоке солнечного света,
и улыбнулась, и прошла.

54

В каком-то раздраженье тайном
с моим приятелем случайным
я распрощался. Хмель пропал.
Так: поваландался, и баста!
Я стал работать, – как не часто
работал, днями утопал,
ероша волосы, в науке,
и с Виолетой разлуки
не замечал; и, наконец,
(как напрягается гребец
у приближающейся цели)
уже я ночи напролет
зубрил учебники в постели,
к вискам прикладывая лед.

55

И началось. Экзамен длился
пять жарких дней. Так накалился
от солнца тягостного зал,
что даже обморока случай
произошел, и вид падучей
сосед мой справа показал
во избежание провала.
И кончилось. Поцеловала
счастливец Альма Матер в лоб,
убрал я книги, микроскоп, –
и вспомнил вдруг о Виолете,
и удивился я тогда:
как бы таинственных столетий
нас разделила череда.

56

И я уже шатун свободный,
душою легкой и голодной
в другие улетал края, –
в знакомый порт, и там в конторе
вербует равнодушно море
простых бродяг, таких, как я.
Уже я прожил все богатства:
портрет известного аббатства[6]
всего в двух копиях упас.
И в ночь последнюю – у нас
был на газоне, посредине
венецианского двора,
обычный бал, и в серпантине
мы проскользили до утра.

57

Двор окружает галерея.
Во мраке синем розовея,
горят гирлянды фонарей –
Зола легкие качели.
Вот музыканты загремели –
пять черных яростных теней
в румяной раковине света.
Однако где же Виолета?
Вдруг вижу: вот стоит она,
вся фонарем озарена,
меж двух колонн, как на подмостках.
И что-то подошло к концу...
Ей это платье в черных блестках,
быть может, не было к лицу.

58

Прикосновеньем не волнуем,
я к ней прильнул, и вот танцуем:
она безмолвна и строга,
лицом сверкает недвижимым,
и поддается под нажимом
ноги упругая нога.
Послушны грохоту и стону
ступают пары по газону,
и серпантин со всех сторон.
То плачет в голос саксофон,
то молоточки и трещотки,
то восклицание цимбал,
то длинный шаг, то шаг короткий, –
и ночь любуется на бал.

59

Живой душой не правит мода,
но иногда моя свобода
случайно с нею совпадет:
мне мил фокстрот, простой и нежный...
Иной мыслитель неизбежно
симптомы века в нем найдет, –
разврат под музыку бедлама;

иная пишущая дама
или копеечный пиит
о прежних танцах возопит;
но для меня, скажу открыто,
особой прелести в том нет,
что грубоватый и немый
маркиз танцует менуэт.

60

Оркестр умолк. Под колоннаду
мы с ней прошли, и лимонаду
она глотнула, лепеча.
Потом мы сели на ступени.
Смотрю: смешные наши тени
плечом касаются плеча.
«Я завтра еду, Виолета».
И было выговорить это
так просто... Бровь подняв, она
мне улыбнулась, и ясна
была улыбка: «После бала
легко все поезда проспять».
И снова музыка стонала,
и танцевали мы опять.

61

Прервись, прервись, мой бал прощальный!
Пока роняет ветер бальный
цветные ленты на газон
и апельсиновые корки, –
должно быть, где-нибудь в каморке
старушка спит, и мирен сон.
К ней пятна лунные прильнули;
чернеет платье на стуле,
чернеет шляпка на крюке,
будильник с искрой в куполке
прилежно тикает, под шкапом
мышь пошуршит и шуркнет прочь,
и в тишине смиренным храпом
исходит нищенская ночь.

62

Моя старушка в полдень ровно
меня проводит. Я любовно
ракету в раму завинтил,
нажал на чемодан коленом,
захлопнул. По углам, по стенам
душой и взглядом побродил:
да, взято все... Прощай, берлога!
Стоит старушка у порога...
Мотора громовая дрожь, –
колеса тронулись... Ну что ж,
еще один уехал... Свежий
сюда вселится в октябре, –
и разговоры будут те же,
и тот же мусор на ковре...

63

И это все. Довольно, звуки,
довольно, муза. До разлуки
прошу я только вот о чем:
летя, как ласточка, то ниже,
то в вышине, найди, найди же
простое слово в мире сем,
всегда понять тебя готовом;
и да не будет этим словом
ни моль бичуема, ни ржа[7],
мгновеньем всяким дорожа,
благослови его движенье,
ему застыть не повели,
почувствуй нежное вращенье
чуть накренившейся земли.

<1927>

Университетская поэма. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

Примечания

1 «Современные записки», 1927, № 33.

2 Муза эпических поэм, старшая из муз

3 violet – фиалка (англ.).

4 Сюзанна Ленглен (1899–1938) – знаменитая теннисистка.

5 «Бог дал!» – слова мусульманской молитвы

6 Изображение на английских банкнотах.

7 Евангелист Матфей обозначил словами «моль» и «ржа» земное, преходящее.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!